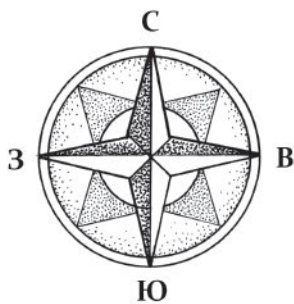

↑ На Северный континент
(на Эрилею)

Северная
пустыня

ЮЖНЫЙ
КОНТИНЕНТ

Кизултумская
пустыня

ЧАСТЬ 1
—◆—
ГОРОД БОГОВ

Бывший капитан королевской гвардии, а с недавних пор — главный советник нового адарланского короля Шаол Эстфол сделал неутешительное открытие: среди звуков, досаждавших ему, один вызывал самую настоящую ненависть.

Звук крутящихся колес.

Особенно возненавидел Шаол их дребезжание по палубным доскам корабля. За три недели плавания по бурным морям оно превратилось в пытку. Но колеса продолжали греметь и дребезжать и здесь, хотя теперь они катились по сверкающим полам из зеленых мраморных плит с искусными мозаичными узорами. Впрочем, здесь сверкали не только полы. Во дворце *хагана* Южного континента (дворец находился в Антике — самом северном городе континента) сияло и сверкало все.

По правде говоря, ненависть Шаола к колесам была лишь отчасти вызвана их дребезжанием. Куда сильнее королевского советника угнетало то, что они приделаны к креслу, на котором он (тоже с недавних пор) передвигался. Кресло стало его тюрьмой и в то же время — единственной возможностью повидать мир. И сейчас, поскольку Шаолу было нечем себя занять, он внимательно разглядывал просторный дворец, возведенный на вершине одного из бесчисленных столичных холмов. Все, из чего дворец был построен, все, что слагало внутреннее убранство, было когда-то привезено из разных уголков могущественной империи хагана.

Зеленый мрамор для сверкающих полов, по которым сейчас дребезжали колеса Шаолова кресла, доставили в Антику из каменоломен на юго-западе континента. Неотъемлемой частью зала приемов были красные колонны, вытесанные в форме деревьев. Ветви их крон тянулись по сводчатым потолкам. Камень для колонн волокли в столицу из северо-восточных пустынь, где песчаные бури — повседневное явление.

Мозаичные картины, вкрапленные между зеленым мрамором пола, создавали ремесленники Тиганы — весьма ценимого хаганом города на южной оконечности континента. Каждая представляла сцену из богатой событиями, жестокой и славной истории хаганата. Начало ее тонуло во тьме веков, когда далекие предки хагана веками кочевали по травянистым степям восточной части континента. Мозаики запечатлели появление первого хагана — военачальника, который объединил разрозненные племена, сделав их народом-завоевателем. С тех пор начался последовательный захват континента. Шаг за шагом, сочетая военную силу с пронизательностью и умением мыслить стратегически, государство бывших кочевников превращалось в обширную империю. История последних трех веков представляла в деяниях хаганов. Они продолжали дело предков, расширяя границы империи. Хаганы распределяли богатства, стекающиеся отовсюду, строили бесчисленные мосты и дороги — кровеносные артерии громадного континента, которым они управляли с ясным пониманием цели и точностью действий.

«А ведь таким мог бы стать и Адарлан», — подумалось Шаолу под скрип колес и приглушенные разговоры придворных и слуг. Их голоса заполняли пространство между колоннами и поднимались выше — к позолоченным сводам потолков. Мог бы, если бы Адарланом правил кто-то другой, неподвластный королю-демону. У демона, прорвавшегося в этот мир, было иное стремление — превратить Адарлан (а затем и другие земли) в место пиршества и забав его орд.

Изогнув шею, Шаол бросил взгляд на Несарину. Это она катила его кресло. Ее лицо оставалось каменным. Лишь взгляд темных глаз, скользивший по каждому окну, колонне и лицу, которые встречались по пути, выдавал сдержанный интерес к внушительному дворцу хагана.

Оба надели самое лучшее из своего скудного дорожного гардероба. Несарина, произведенная королем в капитаны гвардии, была в красной с золотом гвардейской форме. Такую же вплоть до недавнего времени с гордостью носил и Шаол. Где Дорин раздобыл форму для Несарины, оставалось загадкой.

Поначалу Шаол хотел одеться в черное просто потому, что другие цвета... За исключением гвардейской формы, ему всегда было неуютно в цветной одежде. Но черный стал цветом солдат Эравана, одержимых валгскими демонами. Это они, одетые во все черное, бесчинствовали в Рафтхоле, расправляясь с горожанами и бывшими сослуживцами Шаола. После зверских пыток и убийств солдаты Эравана развесили тела королевских гвардейцев на воротах дворца и оставили качаться на ветру.

На местных солдат он старался не смотреть, а они встречались и на улицах, по пути сюда, и в самом дворце. Гордые, бдительные, с мечами и кинжалами у пояса. Даже сейчас Шаол противился сильному желанию взглянуть, как они расставлены по залу. Наверное, еще и потому, что интуиция подсказывала: они стоят там, куда бы он поставил своих гвардейцев. Когда-то и он стоял в карауле, тщательно наблюдая за помещением и за посланцами какого-нибудь иноземного королевства.

Несарина перехватила его взгляд. Ее черные немигающие глаза были холодны. Только черные, до плеч волосы раскачивались в такт шагам. На ее прекрасном суровом лице не отражалось ни малейшего беспокойства. Ничто не выдавало ее состояния. А ведь ее и Шаола ждала встреча с одним из самых могущественных правителей мира. Только он мог изменить судьбу Эрилеи — их континента, где на землях Адарлана и Террасена уже наверняка полыхала война.

Шаол молча смотрел вперед. По пути сюда Несарина предупредила его, что здешние стены, колонны и арки имеют уши, глаза и уста.

Только эта мысль и удерживала Шаола от желания теребить одежду, которую он после раздумий выбрал для встречи с хаганом: светло-коричневые штаны, каштанового цвета сапоги почти до колена и белую рубашку из тончайшего шелка. Рубашка почти целиком скрывалась под зеленовато-голубым камзолом. Камзол был довольно простого покроя; на его истинную стойкость указывали лишь изящные медные застёжки и блеск зо-

лотистых нитей, окаймляющих высокий воротник и кромки. Меча на кожаном поясе на этот раз не было, и Шаолу не хватало привычной, успокоительной тяжести оружия.

Своих ног, обутых в сапоги, он тоже не ощущал.

Шаол отправился на Южный континент, чтобы выполнить два задания. И до сих пор не знал, какое окажется в большей степени невыполнимым.

Первое. Шаолу предстояло убедить хагана и его шестерых потенциальных наследников и наследниц поддержать Эрилею в войне против Эравана и отправить туда свою внушительную армию...

Второе. Найти в Торре-Кесме целителя, способного вернуть ему возможность ходить.

Словом, починить его. Само это слово вызывало у Шаола отвращение. Он ненавидел его наравне с лязгом и скрипом колес. «Починить». А ведь так будет звучать просьба... даже мольба, с которой он обратится к легендарным целителям. И все равно от проклятого слова у Шаола сводило живот.

По пути сюда он старательно гнал из разума и само слово, и мысли о своей неподвижности. Из гавани к дворцу Шаола и Несарину сопровождала стайка молчаливых слуг. Их обоих усадили в карету и повезли по извилистым и пыльным улицам Антики. Последний отрезок пути они проделали вверх по склону — туда, где на вершине холма виднелись купола и тридцать шесть минаретов дворца.

И повсюду, куда ни глянь, взгляд наткнулся на белые лоскуты. Шелковые, полотняные, даже войлочные. Они свешивались из каждого окна, раскачивались над каждой дверью, мелькали на фонарях. Несарина шепотом пояснила: недавно умер какой-то сановник или родственник хагана. В каждом уголке Южного континента были свои ритуалы погребения. Когда эти земли попали под власть хаганата, ритуалы изменились, перемешавшись с обычаями других мест. Белый цвет был наследием кочевого прошлого, когда умерших заворачивали в белую ткань и оставляли в степи под широким всевидящим небом.

Впрочем, город отнюдь не выглядел угрюмым. Горожане все так же сновали по улицам в своих диковинных одеждах, торговцы предлагали товары, а служители деревянных и каменных храмов звали прохожих зайти. Шаол еще раньше узнал от

Несарины, что в Антикe у каждого бога есть храм. Но над всеми храмами и даже над дворцом возвышалась башня из светлого камня. Она стояла на одном из южных холмов.

Торра. Башня, где обитали самые лучшие целители в мире смертных. Шаол старался особо не разглядывать ее из окошек кареты, хотя громадная башня была видна с любой столичной улицы. Слуги не сказали о ней ни слова и вообще как бы ее не замечали. А ведь башня вполне могла соперничать с дворцом хагана.

Нет, вышколенные слуги говорили только по необходимости. Никакой посторонней болтовни. Они даже не упомянули траурные лоскуты, развевающиеся на сухом и жарком ветру. Женщины оказались ничуть не общительнее мужчин. Одежда всех слуг состояла из шаровар и свободных камзолов глубокого-синего и ярко-красного цветов, окаймленных светло-золотистым шитьем. Это были наемные слуги — потомки рабов, которыми когда-то владели предки хагана. Рабство отменили сравнительно недавно. Его упразднила мать нынешнего хагана — мечтательница и бунтарка. Отмена рабства была одним из многочисленных ее улучшений жизни в империи. *Хагана* (так именовались женщины-правительницы) освободила рабов, но оставила их в качестве наемных слуг. Затем в услужение поступили их дети, а теперь уже и внуки.

Судя по виду слуг, ели они досыта и во всем остальном не чувствовали себя обделенными. Шаола и Несарину они сопровождали почтительно и без робости. Похоже, что и нынешний хаган унаследовал от матери достойное обращение со слугами. Хорошо бы эта традиция затем перешла к его преемнику.

В отличие от Адарлана и Террасена, здешнее престолонаследие не определялось старшинством, и мужчины не имели преимуществ перед женщинами. Многодетность правителя лишь отчасти облегчала выбор. А соперничество между братьями и сестрами превращалось в кровавое состязание. Все уловки и ухищрения предпринимались с единственной целью — показать отцу или матери, кто из детей самый сильный, самый мудрый и наиболее пригоден для правления империей.

Учитывая, что хаган может умереть или погибнуть, не успев назвать преемника, закон обязывал делать предварительный выбор. Имя избранника писалось на особом листе пергамента,

лист скреплялся печатью хагана, помещался в неприметную шкатулку, а шкатулка — в тайное хранилище. Предварительный выбор можно было в любое время изменить. Главное, чтобы шкатулка не оставалась пустой. Закон создавался с целью предотвратить то, чего в хаганате боялись с самого момента его создания, — распада империи. Обрушение не под натиском внешних сил, а изнутри.

Предок нынешнего хагана был мудр. За все триста лет в хаганате ни разу не вспыхнула гражданская война.

Миновали приемный зал. Слуги распахнули двери тронного зала, и Несарина вкатила туда кресло Шаола. Между двумя громадными колоннами в изящном поклоне застыли другие слуги — рангом выше. Тронный зал поражал роскошью и изяществом отделки. Десятки придворных собрались возле позолоченного возвышения, сверкающего на полуденном солнце. На троне восседал хаган. Перед ним стояли пятеро его детей: сыновья и дочери. К кому из них однажды перейдет власть над хаганатом?

В зале слышен был лишь шелест одежд полусотни придворных (Шаол наметанным глазом быстро подсчитал их), стоявших по обе стороны возвышения. Две живые стены, пестрящие шелками и драгоценностями, образовали внушительный коридор, по которому Несарина катила его кресло.

Шелест одежд и скрип колес. Еще утром Несарина тщательно их смазала, однако три недели путешествия морем не лучшим образом сказались на металле. Звук был отвратительным, словно гвоздями царапали камень.

Но Шаол держал голову высоко поднятой, а плечи — расправленными.

Несарина остановилась на почтительном расстоянии от возвышения. Правильнее сказать, от стены детей хагана, вставших между незванными гостями и отцом. Все пятеро были взрослыми людьми, в расцвете сил.

Первой обязанностью принца и принцессы была защита не отца. Хагана. Правителя империи. Так легче всего показать свою верность и повисить шансы на избрание. И эти пятеро...

Шаол придал лицу нейтральное выражение и снова пересчитал детей хагана. Только пять. Не шесть, как говорила Несарина.

Шаол не стал оглядывать зал в поисках отсутствующей младшей дочери хагана. Он поклонился в пояс. Поклон он добросовестно отработывал всю последнюю неделю их плавания, когда погода становилась все жарче, а воздух — все сúше. Да и солнце припекало нещадно. Кланяться, сидя в кресле, было непривычно, однако Шаол добросовестно нагибался, пока его взгляд не уткнулся в безупречно начищенные сапоги. Под сапогами скрывались ноги, утратившие чувствительность и подвижность.

По шороху одежды слева Шаол понял: Несарина тоже застыла в глубоком поклоне. Она говорила, в таком положении нужно замереть на три полных вдоха и выдоха.

Шаол употребил это время на то, чтобы собраться и спрятать ощущение тяжести, лежавшее на плечах их обоих.

Когда-то он умел стоять в карауле не шелохнувшись. Он годами служил отцу Дорина, беспрекословно выполняя приказы. А еще раньше — годами выдерживал общение с собственным отцом, чьи слова и кулаки были одинаково тяжелы. Теперь отцовская должность управителя Аньеля — его родного города — перешла к Шаолу.

Слово «управитель» перед именем Шаола воспринималось как насмешка. Насмешка и ложь. Но Дорин, невзирая на все протесты Шаола, отказался освободить его от должности.

Управитель Шаол Эстфол. Главный советник короля.

Он ненавидел свое звание. Даже сильнее, чем скрип колес. Сильнее, чем тело, которое ниже бедер было бесчувственно. Даже сейчас, когда с момента увечья прошла не одна неделя, это продолжало удивлять Шаола.

Если и называть его управителем, то управителем ничтожеств. Управителем клятвопреступников. Управителем лжецов.

Шаол выпрямился и встретился взглядом с прищуренными глазами седовласого человека на троне. Смуглое морщинистое лицо хагана расплылось в легкой ехидной улыбке... Может, хаган знал, какие мысли теснились в голове Шаола?

Несарине казалось, что она раздваивается.

В какой-то мере она являлась капитаном королевской гвардии Адарлана. В этом качестве она поклялась королю Дорину сделать все, чтобы человек в кресле на колесах получил надлежащее лечение, а человек, восседающий на троне, согласился помочь Эрilee своей армией. Поэтому она стояла с высоко поднятой головой и широко расправленными плечами, держа правую руку подальше от эфеса старинного меча.

Но было в ней и кое-что другое.

В глубине души она проглотила слезы, заведя на горизонте шпили, купола и минареты города богов и, конечно же, громаду Торры. Сойдя с корабля, Несарина вдохнула аромат паприки, отдающий дымом, резкий запах имбиря и манящую сладость тмина и поняла: она дома. Пусть она служила Адарлану и готова была умереть за королевство Дорина, пусть там осталась ее семья, но здесь когда-то жил ее отец. И даже ее адарланской матери в Антике дышалось легче. Несарина оказалась среди своих.

У ее соплеменников были разные оттенки кожи: от коричневой до бронзовой. У всех — густые блестящие черные волосы — ее волосы. Форма глаз тоже различалась. Встречались глаза раскосые, глаза широкие и круглые, а также глаза-щелочки. В основном черные и карие, но иногда попадались люди со светло-кариими и даже зелеными глазами. Ее народ. Уроженцы разных частей Южного континента, однако на здешних улицах

никто бы не шипел ей вслед. В детстве сверстники не кидались бы в нее камнями. Дети ее сестры не ощущали бы себя чужаками, мало того — изгоями.

И поэтому, хоть Несарина и стояла с распрямленными плечами и поднятой головой, у нее подкашивались колени при взгляде на тех, кто был перед нею. И на то, что они собою олицетворяли.

Несарина не отважилась открыть отцу, куда и зачем отправляется. Намекнула лишь, что король Адарлана посылает ее с поручением, выполнение которого может занять продолжительное время.

Скажи она правду, отец не поверил бы. Она и сама до конца не верила.

О нынешнем хагане в ее семье рассказывали истории, когда зимними вечерами все собирались у очага. О его детях говорили в отцовской пекарне, меся тесто для бесчисленных караваев. Несарина помнила легенды о предках хагана, которые она слушала перед сном. Одни помогали Несарине заснуть, другие заставляли ночь напролет ворочаться в постели, сжимаясь от ужаса.

Хаган был живым мифом. Таким же божеством, как и тридцать шесть богов, что правили городом и империей.

Мест поклонения памяти прежних хаганов в Антике было не меньше, чем храмов. А то и больше. Это благодаря хаганам столицу называли городом богов. И сейчас Несарина видела живого бога, восседавшего на троне из слоновой кости. Трон стоял на золотом возвышении.

Легенды, которые ей шепотом рассказывал отец, не соврали: возвышение было из чистого золота.

А шестерых детей хагана Несарина могла бы назвать сама, не дожидаясь, пока их ей представят. Да и Шаол тоже: сколько раз она ему рассказывала о семье хагана во всех подробностях.

Однако сама встреча должна была происходить совсем не так.

Пока плыли сюда, Несарина рассказывала Шаолу о родине предков, а он посвящал ее в тонкости придворного этикета. Сам он крайне редко участвовал в придворных церемониях, зато часто их наблюдал, будучи на королевской службе.

Наблюдатель чужих игр нынче превратился в главного игрока. А ставки в этой игре были немислимо высоки.

Шаол и Несарина ждали, когда хаган заговорит.

По пути в тронный зал Несарина старалась не глазеть по сторонам. Отец несколько раз возил ее в Антику, но дворец она видела лишь снаружи. Внутри не бывали ни отец, ни дед, ни кто-либо из их предков. В городе богов дворец хагана был наисвятейшим из всех храмов. И самым хитроумным из лабиринтов.

Хаган сидел не шелохнувшись.

Этот трон из слоновой кости сменил прежний лет сто назад. Тогдашний хаган — седьмой по счету — отдал такой приказ, поскольку уже не помещался на сиденье. По свидетельству историков, причиной смерти хагана стали обжорство и неумеренные возлияния. Правда, ему хватило здравого смысла назвать имя преемника раньше, чем он сам, схватившись за грудь, замертво свалился с нового трона.

Нынешнему хагану, которого звали Арас, было не более шестидесяти, и обликом своим он выгодно отличался от грузного предка. Конечно, его волосы успели поседеть и стать одного цвета с резным тронном. Шрамы на морщинистой коже напоминали о войне за трон, происходившей накануне смерти матери. Но его черные, как оникс, раскосые глаза сверкали яркими звездами. Они все видели и все понимали.

Короны на седой голове хагана не было. Боги, обитающие среди смертных, не нуждаются в особых знаках своей власти.

Позади трона, на жарком ветерке из открытых окон, трепетали белые шелковые лоскуты. Покойный был весьма важной персоной, если траурный шелк присутствовал даже в тронном зале. Мысли хагана и его семьи невольно уносились туда, где душа умершего соединилась с Вечными Синими Небесами и Спящей Землей. Хаган и его предки почитали то незримое место, а своим подданным оставляли право выбирать, кому из тридцати шести богов поклоняться.

Не исключено, что пантеон разрастется вследствие присоединения к империи новых земель и их собственных богов. За тридцать лет правления нынешний хаган преуспел в этом, захватив несколько заморских королевств.

Пальцы хагана, испещренные шрамами, были унижены кольцами со сверкающими драгоценными камнями. Каждое кольцо — память о присоединенном государстве.

Это был воин в наряде правителя. Все так же молча хаган снял руки с подлокотников трона, сделанного из бивней могучих зверей, что нынче почти исчезли, а еще сто лет назад бродили по степям срединной части континента. Руки хагана переместились на колени и утонули в складках синего, с золотым окаймлением шелка. Синюю краску добывали в густых, жарких и влажных лесах западной части державы. Ткани красили в городе Бальруне, где когда-то жили предки Несарины по отцовской линии. Но любопытство и честолюбие заставили ее прадеда взять семью и отправиться через горы, степи и пустыни на засушливый север, в город богов.

Род Фелаков и раньше занимался торговлей. Их товары не относились к числу редких и дорогих. Добротные ткани, пряности, потребные в любом доме. Дядя Несарины и сейчас торговал ими. Заработанные деньги он не прятал в сундук, а прибыльно вкладывал, благодаря чему стал не сказать что богатым, но довольно зажиточным человеком. Сейчас он с семьей владели красивым домом в столице. На сословной лестнице дядя стоял выше отца Несарины, решившего покинуть родину и стать пекарем.

— Не каждый день новый король отправляет к нашим берегам столь важных посланцев, — наконец произнес хаган — на адарланском, а не халхийском, основном языке Южного континента. — Полагаю, мы должны посчитать это честью.

Как и отец Несарины, хаган говорил с акцентом, но в его голосе не ощущалось ни тепла, ни легкой насмешливости. С детства хаган жил в подчинении, затем сражался за власть. Он казнил двух братьев, показавших себя жалкими неудачниками. Из оставшихся троих один отправился в изгнание, а двое других принесли клятву верности хагану. А поскольку словесной клятвы ему было мало, искусные целители Торры сделали их бесплодными.

— Это я считаю честью предстать перед вами, великий хаган, — склонив голову, ответил Шаол.

Привычные слова «ваше величество» были бы здесь неуместны и даже оскорбительны. Они годились для королей и коро-

лев. Чужеземные титулы не отражали могущества этого человека. Только «великий хаган» — титул, взятый себе самым первым хаганом.

— Ты считаешь, — будто размышляя вслух, произнес хаган. Его черные глаза скользнули по Несарине. — А что скажет твоя спутница?

Несарина подавила настойчивое желание снова поклониться. Она вдруг поняла, как разительно отличался от хагана Дорин Хавильяр. Но Аэлина Галатиния... пожалуй, у той нашлось бы с Арасом больше общего. Или найдется, если она уцелеет и воссядет на троне Террасена.

Поймав на себе пристальный взгляд Шаола, Несарина поспешно отбросила эти мысли. По плечам Шаола чувствовалось, как он напряжен. Не из-за речей или обстановки. Довольно присутствия могущественного правителя и воина; а ему еще приходится запрокидывать голову, чтобы видеть трон Араса. Ох, непростой день выдался сегодня у главного советника адарланского короля.

Несарина ограничилась легким поклоном:

— Меня зовут Несарина Фелак. Я — капитан королевской гвардии Адарлана. Господин Эстфол занимал эту должность до меня, пока нынешним летом король Дорин не назначил его своим главным советником.

Как хорошо, что за годы жизни в Рафтхоле она научилась не улыбаться, не сжиматься и не показывать страх. Научилась говорить ровным, спокойным голосом, даже когда у нее дрожали колени.

— Но мои предки по отцовской линии родом с Южного континента. Признаюсь вам, великий хаган: часть моей души принадлежит Антике.

Несарина прижала руку к сердцу. Мозоли на ладонях задевали тонкие золотистые нити, которыми был расшит ее мундир. Цвета империи, не раз преследовавшей и унижавшей ее семью.

— Оказаться в вашем дворце — высокая честь для меня.

Возможно, она говорила правду.

Если у нее найдется время навестить дядину семью, живущую в Рунни — тихой зеленой части Антики, где обитали пре-

успевающие торговцы, — она расскажет родным о посещении дворца хагана. Они наверняка согласятся, что Несарина удостоилась высокой чести.

— В таком случае добро пожаловать в твой настоящий дом, капитан, — слегка улыбнулся хаган.

Несарина не столько увидела, сколько почувствовала вспышку раздражения Шаола. Трудно сказать, что именно его задело: то, что родным домом Несарины назвали Антику, или то, что его прежняя должность теперь принадлежала ей.

Но Несарина поклонилась еще раз, выражая благодарность.

— Сдается мне, что вы оба явились сюда уговаривать меня примкнуть к вашей войне, — сказал Шаолу хаган.

— Мы прибыли по распоряжению моего короля, — напряженно ответил Шаол, с гордостью произнеся последнее слово. — Мы надеемся открыть эру новых отношений между нашими континентами, построенных на основании мира и взаимовыгодной торговли.

Одна из дочерей хагана — молодая женщина с черными, как ночь, струящимися волосами и глазами, полными темного огня, — искоса посмотрела на брата, стоящего слева. Тот был года на три старше ее.

Хасара и Сартак. Третья по старшинству среди детей хагана, а ее брат — второй. Оба были одеты в одинаковые широкие шаровары и вышитые камзолы. На ногах — такие же одинаковые высокие сапоги из тонкой кожи. Красивой Хасару не назовешь, но эти глаза... Огонь, пляшущий в них, и то, как она посмотрела на старшего брата, преобразали ее лицо.

И Сартак — командир отцовской воздушной армии, солдаты которой назывались руккинами.

Воздушная кавалерия его соплеменников с давних пор обитала в высоких Таванских горах. Они летали на рукках — громадных птицах, внешне напоминающих орлов. Рукки легко могли справиться с быком и завалить лошадь. Размерами и весом они уступали драконам Железзубых ведьм, зато отличались быстротой, проворством и поистине лисьей хитростью. Идеальные крылатые кони для легендарных лучников, сражавшихся в воздухе.

Лицо Сартака оставалось бесстрастным. Он стоял широко расправив плечи. Похоже, как и Шаолу, ему было неудобно

в нарядной одежде. Несарина даже знала имя ручки, на которой летал Сартак, — Кадара. Возможно, та сейчас устроилась на одном из тридцати шести дворцовых минаретов, поглядывая на испуганных слуг и караульных и нетерпеливо дожидаясь возвращения хозяина.

Если Сартак во дворце... Должно быть, здесь заранее знали о приезде посланцев Адарлана.

Понимающий взгляд, каким обменялись Сартак и Хасара, многое сказал Несарине. Во дворце хагана уже обсуждали и визит северных гостей, и цели визита.

Взгляд Сартака переместился на Несарину.

Она невольно моргнула. Кожа командира ручкиных была смуглее, чем у его братьев и сестер. Возможно, сказывалось постоянное пребывание в воздухе и под солнцем. Глаза Сартака казались кусочками черного камня: бездонные и непроницаемые. Прядь его черных волос была заплетена в косичку и закинута за ухо, остальные свободно ниспадали на плечи и мускулистую грудь. Они слегка качнулись, когда Сартак насмешливо (в этом Несарина могла бы поклясться) наклонил голову.

Нечего сказать, посланцы Адарлана! И как только угрозило королю отправить к хагану эту жалкую парочку: покалеченного бывшего капитана и простолюдинку — его преемницу? Возможно, изначальные слова хагана о чести являлись завуалированным намеком на оскорбление, которое ему нанесено этим выбором послов.

Взгляд Сартака не отпускал; усилием воли Несарина отвела глаза, но продолжала ощущать этот взгляд, как призрачное прикосновение.

— Мы привезли с собой дары его величества короля Адарлана. — Шаол подал знак слугам за спиной.

Еще весной королева Георгина, мать Дорина, вместе со свитой отбыла в горный замок. Туда же отправилась изрядная часть богатств адарланской короны. Остальное за несколько месяцев успел куда-то переправить его отец. Когда встал вопрос о подарках, Дорин спустился в подземелья, где хранились сокровища. Несарина и сейчас слышала эхо грязных ругательств, вылетавших из королевского рта. Она и подумать не могла, что новый король умеет так ругаться. Но иных слов у Дорина не

было: в кладовых, некогда ломившихся от золота и драгоценностей, он нашел лишь несколько монет.

Как обычно, у Аэлины появился замысел.

Несарина находилась возле нового короля, когда слуги притащили два больших сундука, набитых сокровищами. Внутри сверкали драгоценности, достойные королевы... королевы ассинов.

Дорин попытался возражать, но Аэлина не пожелала слушать. «У меня достаточно средств, — сказала она. — Это пусть отправится к хагану как дар от адарланского короля».

Уже потом, на корабле, Несарина часто раздумывала над щедростью Аэлины. Может, Аэлина была рада избавиться от всего, что она когда-то покупала на «кровавые деньги»? Может, радовалась, что адарланские сокровища не попадут в Террасен?

И вот теперь слуги хагана открыли крышки четырех сундуков. (Еще один совет Аэлины: так дар покажется более внушительным.) Придворные, до сих пор хранившие молчание, подошли ближе.

Блеск золота, серебра и драгоценных камней вызвал оживленное перешептывание.

И не успел хаган наклониться и взглянуть на сокровища, как Шаол снова заговорил:

— Это совместный дар адарланского короля Дорина Хавильяра и террасенской королевы Аэлины Галатинии.

Услышав второе имя, принцесса Хасара пристально поглядела на Шаола.

Принц Сартак лишь мельком взглянул на отца. Аргун, старший сын хагана, хмуро посматривал на привезенные дары.

Аргуна называли принцем шпионов. Он был политиком. Его обожали крупные торговцы и все те, кто пользовался властью и влиянием на континенте. Пока двое его братьев оттачивали воинское мастерство, Аргун оттачивал ум. Нынче он возглавлял совет, куда входили тридцать шесть визирей хагана. И этот его хмурый взгляд на сокровища...

На бриллиантовые и рубиновые ожерелья. На золотые и изумрудные браслеты. На сапфировые и аметистовые серьги, напоминающие маленькие люстры. А какие изумительные

кольца лежали в сундуках. Некоторые украшали самоцветы величиной с ласточкино яйцо. Поблескивали золотые гребни, булавки, всеми цветами радуги переливались броши. Сокровища, добытые кровью и кровью же купленные.

Из всех детей хагана самый искренний интерес дары вызвали у Дувы — стройной и миловидной женщины. Здесь она была самой младшей. Ее изящную руку украшало толстое серебряное кольцо с громадным сапфиром. Рука Дувы покоилась на заметно округлившемся животе.

Похоже, она забеременела полгода назад, хотя одежда с обилием складок (Дува предпочитала розовые и пурпурные тона) и худощавая фигура не позволяли точно определить срок. Это наверняка ее первый ребенок. Дуву выдали замуж за какого-то принца — уроженца заморских земель далеко к востоку от континента. А южной соседкой принца была Доранелла. Заметив опасные поползновения фэйской королевы, он решил через брачный союз обезопасить свою родину и обрести могущественного покровителя в лице хагана. Возможно, что это был политический шаг самого хагана, решившего в очередной раз расширить свои и без того внушительные владения.

Несарина не позволила себе слишком долго разглядывать выпирающий живот Дувы.

Ей не хотелось думать о будущем этой милой женщины, но мысли сами лезли в голову. Если новым хаганом станет брат или сестра Дувы, они постараются произвести на свет как можно больше собственных детей. А затем начнут устранять всех, кто может оспорить их права на трон. Иными словами, братьев и сестер наряду с племянниками и племянницами.

Несарину продолжали захлестывать мысли о будущем Дувы. Выдержит ли? Полюбила ли она дитя, растущее в ее чреве, или ей хватило мудрости не поддаваться этому чувству? Сумеет ли отец ребенка сделать все, что в его силах, и надежно спрятать малыша, если у нового хагана дойдет до расправ?

Арас откинулся на спинку трона. Его дети вновь встали живой цепью. Рука Дувы соскользнула с живота.

— Эти драгоценности изготовлены лучшими адарланскими ювелирами, — пояснил Шаол.

Хаган не торопился отвечать, вертя на пальце кольцо лимонно-желтого цвета.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть 1. ГОРОД БОГОВ	9
Часть 2. ГОРЫ И МОРЯ	363
Огненное сердце	697
Выражение признательности	699